

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б72

Sarina Bowen
THE ACCIDENTALS
Copyright © 2018 by Sarina Bowen

Фотография на переплете:
© Andriy Onufrienko / Gettyimages.ru

Перевод с английского *Дарьи Кандалинцевой*
Художественное оформление *Ольги Сапожниковой*

Боуэн, Сарина.

Б72 Полутона / Сарина Боуэн ; [перевод с английского
Д. Кандалинцевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-110710-9

Семнадцатилетняя Рейчел одержима музыкой и мечтой встретиться с рок-звездой Фредериком Ричардсом. Ее отцом, который в погоне за славой оставил семью и никогда не видел дочь.

Порой мечты сбываются самым жестоким образом. Трагическая смерть матери сводит Рейчел с отцом. Но жизнь в доме популярного музыканта становится тяжелым испытанием для девушки. Должна ли она простить отца за прошлое и как сделать шаг навстречу? Что, если любовь Рейчел к музыке поможет сделать этот первый шаг?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-110710-9

© Кандалинцева Д., перевод
на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

УВЕРТЮРА — вступительная часть музыкального произведения, например оперы или балета. Традиционно увертюра заключает в себе тему и основные идеи, которые развиваются в дальнейшем в произведении.

Глава 1

Я была в третьем классе, когда узнала, что тот, кто поет «Дикий город» в машине по радио, и тот, кто присылает чеки моей матери каждый месяц, — один человек. Имена не совсем совпадали: диджей звал его Фредди Рикс, а на чеках значился Фредерик Ричардс.

У меня всегда был хороший слух. Вздох матери, с которым она открывала его конверты, был точно таким же, с каким она выключала радио.

Она не говорила о нем, даже когда я умоляла.

— Он чужой человек, Рейчел. Не думай о нем.

Но все остальные думали. Фредди Рикс был номинирован на «Грэмми», когда мне было десять, а его второй альбом месяцами занимал первые строчки музыкальных чартов. Пока я росла, я слышала его музыку в рекламе роскошных автомобилей по ТВ и стоя в аптечных очередях. Я читала его интервью для журналов People и Rolling Stone.

Я вызубрила страничку о нем в «Википедии». Моего имени там не было. Не было и имени моей матери.

Несмотря на это, мой интерес только рос. Я покупала его музыку на деньги, что получала за подработку няней, и сохраняла каждую журнальную статью о нем, какую только могла найти. Я была бешеной маленькой фанаткой, и в этом не было ничего хорошего.

Если мы с мамой ссорились, я вешала очередную его фотографию над кроватью. Или же втыкала наушники в уши, игнорируя родителя, сидящего рядом, ради того, чтобы послушать родителя, которого никогда не видела.

Сарина Ёуэн

Я так злилась, что она отмалчивается. Сейчас я бы отдала что угодно, лишь бы взглянуть на нее еще раз.

Что угодно.

Но у меня больше не будет шанса выключить музыку и услышать мамин голос. А человек, который не удосужился появиться за почти что восемнадцать лет? Похоже, он сейчас ждет в кабинете социального работника, чтобы со мной встретиться.

Мне становится дурно, когда фургон подъезжает к офису управления по делам детей и семьи. Мои руки вспотели настолько, что я с трудом расстегиваю ремень безопасности. Вытерев их о джинсовую юбку, я нащупываю засаленную ручку двери.

Каждый раз, когда еду в этой старой машине (той же самой, очевидно, что спасает детей из подпольных лабораторий по производству мета, или что там еще делают социальные работники), я думаю: «Это не моя жизнь».

Тем не менее неделю назад она стала моей.

Жить в государственном приюте ужасно. Однако не настолько, как услышать от онколога матери, что не важно, поможет ли химиотерапия ее опухоли, потому что инфекция может убить ее раньше.

Он был прав. Так и случилось. И ничто не будет уже как прежде.

— Я заберу тебя через полчаса, — говорит водитель, пока я оцепенело выбираюсь из машины навстречу липкому полудню в Орландо.

— Спасибо, — бормочу я. Ответ в одно слово — все, на что я сейчас способна.

Чувствуя привкус желчи во рту, провожаю фургон взглядом. Однако у меня все еще есть выбор. Хотя штат Флорида недавно и принял несколько решений относительно меня — и некоторые из них звучали как несусветный бред, — я почти уверена, что по закону меня не могут заставить войти в это здание.

Я не обязана встречаться с человеком, который бросил меня еще до того, как я родилась. Вместо того чтобы

Плутона

зайти, тяну время, стоя на раскаленном тротуаре, пытаюсь думать.

Тысячу раз я представляла, как встречу Фредерика Ричардса. Однако ни разу не думала, что это произойдет под флуоресцентными лампами управления по делам детей и семьи Флориды.

Я разворачиваюсь, обдумывая варианты. Примыкающая парковка принадлежит торговому центру. Там есть смузийная, магазин видеоигр и маникюрный салон. Я могла бы прогуляться, выпить смузи и сделать маникюр вместо встречи с отцом. Если бы была посмелее, то так бы и сделала.

«Как тебе такое, Фредерик Ричардс?» — моя жизнь может продолжаться и без знакомства с ним. Мне исполнится восемнадцать через месяц. Мой кошмар с соцслужбами тогда в любом случае закончится.

Он будет сидеть в офисе Ханны, поглядывая на часы каждую пару минут, в то время как я буду потягивать смузи, сидя в заведении через дорогу.

Ах да. Я ведь не люблю смузи. Напиток не должен быть густым.

Пока я мысленно гуляю по Крейзитауну, надо мной сияет палящее солнце Флориды. Капля пота стекает по моей спине, и я вижу мужчину, следящего за мной с водительского места темного седана, стоящего на обочине с другой стороны дороги. Нервный разряд пронзает мою грудь. Однако тут же исчезает, когда я понимаю, что человек за рулем вовсе не Фредерик Ричардс. Он латиноамериканец, у него темные волосы с проседью.

Я хмурюсь.

Он широко улыбается.

«Извращенец», — отворачиваюсь и распахиваю дверь офиса соцработника. Меня встречает поток холодного воздуха, но работающий кондиционер — единственная приятная вещь в этом месте. В комнате все серое, включая металлическую офисную мебель и выцветшие стены,

Сарина Ёуэн

которые, вероятно, нуждаются в покраске дольше, чем я живу.

— Привет, Рейчел, — приветствует меня морщинистая секретарша. — Можешь присесть, Ханна позовет тебя, как только будет готова.

Смотрю на дверь Ханны.

«Он действительно там?» — я не спрашиваю, однако, потому что во рту у меня вдруг стало сухо, как на корочке горелого тоста. Новая волна отвращения накатывает на меня, когда я устраиваюсь в обветшалом кресле прямо перед кабинетом Ханны.

По привычке лезу в карман за наушниками iPod Classic. Стальные края кажутся холодными под моими влажными пальцами. Музыка всегда была моим наркотиком. В ладони у меня упорядоченный мир, организованный в плей-листы, созданные мною лично. Одним касанием пальца тысячи шедевров, записанных на студии, выстроятся в список для воспроизведения.

Некоторые из них были написаны и сыграны человеком по ту сторону двери Ханны. Я ношу отца с собой в кармане уже долгое время.

«Ты потратила месяцы своей жизни, думая о нем, — часто жаловалась мать. Ее взгляд, точно лазер, прожигает стопку CD-дисков в моей комнате. — А он не провел и пяти минут, думая о нас. В этом я уверена».

Я засунула iPod в рюкзак и закрыла его.

Мама была права во всем. И мне больно осознавать, что у меня не будет другого шанса перед ней извиниться. Все причиняет боль, постоянно. Теперь я *Злая Рейчел*. Я едва ли узнаю себя. Даже здесь, озираясь в обшарпанном крошечном офисе, хочу сжечь его дотла.

Когда дверь рядом со мной открывается, я буквально подпрыгиваю, как один из тех пугливых котят в видео на YouTube. Разворачиваясь, вижу Ханну и ее орехового цвета глаза, уверенно смотрящие сверху вниз на меня.

— Рейчел, — шепчет она. — Ты хочешь увидеть Фредерика Ричардса?

Плутона

Да?

Нет.

Иногда.

«Боже».

У меня подкашиваются колени, когда я встаю. Ханна открывает дверь снова, и меня отделяют всего три шага от офиса.

И вот он здесь, спустя все это время, сидит в уродливом кресле с металлическими ручками. Я бы узнала его где угодно, это лицо стало известным благодаря обложкам альбомов и страницам журнальных сплетен. А благодаря видео я могу представить его поющим на сцене в Лос-Анджелесе или в Риме. Я знаю, как он выглядит, когда гуляет по улицам Нового Орлеана или заходит в вагон метро в Нью-Йорке. Вот чем может помочь девочке «Инстаграм» и пара тысяч часов, потраченных на YouTube.

А теперь я знаю, как он выглядит, когда видит привидение.

Он судорожно вдыхает, когда я вхожу. На кратчайший миг у меня появляется преимущество. Я провела целую вечность, глядя на него, но для него мое лицо становится сюрпризом. Может, он в нем видит мою мать. Я унаследовала ее темно-русые волосы и карие глаза.

Или, может, он даже не помнит, как моя мама выглядела.

В конце концов он встает. Он *высокий*. Я поражена, как он заполняет собой маленький кабинет Ханны. Кто бы знал, что музыкальные видео не очень-то хорошо передают пропорции?

Я по-прежнему стою, будто вросла в пол у двери, во рту сухо. Он тоже не знает, как себя вести. Делает шаг вперед, берет мою липкую ладонь в свою прохладную руку.

— Сожалею о твоей матери. Сожалею... — прочищает горло. — Что ж, я сожалею о многих вещах. Но мне правда жаль, что ты потеряла маму.

Сарина Ёуэн

Я опускаю глаза на его большую руку, сжимающую мою, его длинные пальцы. Я вовсе потеряла дар речи. Люди говорят мне подобное на протяжении недели, и обычно я выдавливаю из себя «спасибо». Но не в этот раз.

— Рейчел, — говори Ханна из-за стола. — Почему бы тебе не присесть?

Голос Ханны словно ледяная вода. Я отпускаю руку мистера Фредерика Ричардса и послушно опускаюсь на стул, в то время как он возвращается к своему.

— Это необычная ситуация, — говорит Ханна, скрестив руки.

Мы все еще тарачимся друг на друга. Вокруг его глаз и рта маленькие морщинки. Его сороковой день рождения миновал совсем недавно — факт, который я знаю из Википедии. Он постарел за те десять лет, что я слежу за ним, но его лицо по-прежнему очень привлекательно. Мама сходила с ума по нему все эти годы. Это ее слова — «сходить с ума». Но она произносила это с интонацией доктора, который говорит «злокачественная».

— Рейчел, мистер Ричардс хочет тебе помочь. Но у него нет юридических прав, чтобы заботиться о тебе. Его подписи нет на твоём свидетельстве о рождении, что все усложняет. Поэтому он сдал ДНК-тест и нанял адвоката, который поможет ему вести дело с судом по делам семьи. Однако система работает не так уж быстро. Маловероятно, что он сможет стать твоим законным опекуном прежде, чем тебе исполнится восемнадцать в следующем месяце.

От меня необходим какой-то ответ.

— Хорошо, — говорю шепотом.

Тем не менее что это тогда значит? Он просто уйдет?

— Слушай, мы можем поговорить с Рейчел? — спрашивает он у Ханны.

— Ты имеешь в виду наедине? — уточняет Ханна.

— Да. — Он говорит это резко, как человек, привыкший к тому, что люди слушают.

Плутона

— Сегодня? Нет, — говорит Ханна. — Это поднадзорная встреча между ребенком, находящимся под опекой государства, и чужим человеком. Уверена, это сложно для вас, мистер Ричардс, и лишние наблюдатели делают только хуже. Однако этот кабинет становится местом сотен сложных бесед в год. Обещаю, вы переживете.

Ханна всегда высказывает все прямо. Она сообщила мне много плохих новостей за последнее время, и все это без всякой чуши.

Ханна не подслащала факт того, что мне придется переехать в интернат.

— Это не отель «Плаза», — признала она. — Но им руководят хорошие люди, и, если что-то пойдет не так, ты тут же позвонишь мне.

Мистер Фредерик Ричардс вздыхает в кресле. Его пальцы барабают по подлокотнику, подсказывая, что он нервничает. На большинстве фотографий он сжимает гитару.

— Раз уж вы приехали во Флориду, чтобы предложить Рейчел помощь, — говорит Ханна, — почему бы вам не рассказать нам, какие у вас идеи? Как я понимаю, до сегодняшнего дня ваша поддержка была финансового характера.

Он кивает.

— Да, была. Я всегда... — Он прижимает пальцы к губам. — Раньше я полагал, финансовая поддержка была единственно необходимой. — Он смотрит на меня. — Я не знал, что твоя мама больна. Никто не сказал мне.

Снова я понимаю, что должна что-то сказать, но у меня просто нет слов. Мой отец подумает, его дочь немая.

— Так что... — Его внимание возвращается к Ханне. — Вы сказали, Рейчел отправляется в частную школу осенью. — Он косится на меня. — Получается, ей нужно где-то жить, когда исполнится восемнадцать в следующем месяце.

— Технически она будет вычеркнута из нашей базы данных в августе, — соглашается Ханна. — Но вероятно,

может остаться в интернате до того момента, как отправится в школу.

Я закрываю глаза, желудок сводит при мысли о том, чтобы оставаться там хотя бы на минуту дольше, чем требуется по закону. Когда я открываю глаза вновь, он следит за мной. Он поворачивается немного в своем слишком маленьком кресле, так что теперь мы лицом к лицу.

— Рейчел, я хочу помочь тебе. Моим первым порывом было просто забрать тебя прямо отсюда. — Он машет рукой, указывая то ли на управление по делам детей и семьи, то ли на весь штат Флорида. Не знаю. — Но если я не могу этого сделать, по крайней мере я удостоверяюсь, что о тебе заботятся.

— Хорошо, — говорю шепотом.

Он снова обращается к Ханне:

— Должен быть способ, чтобы я мог с ней видеться. Она не заключенный штата.

— Ну. — Ханна стучит пальцем по столешнице. — Это зависит от Рейчел. Она ходит в летнюю школу, и у нее есть комендантский час вечером. Если она желает уделить вам время, может сказать сама. Я не вправе сообщать вам ее контактную информацию, но могу дать ей ваш номер телефона.

— Будьте добры, — говорит он, глядя на меня.

У меня гудит в ушах.

— Школа Пайн Блафф, — выпаливаю я, удивляя нас всех. — Я обычно заканчиваю в два тридцать, — тайком смотрю на Ханну, желая понять, одобряет ли она мою разговорчивость. Однако взгляд социального работника непоколебим. — Комендантский час в семь тридцать.

— Отлично, — говорит он, вытаскивая записную книжку и ручку из кармана рубашки. Мне кажется, его руки дрожат, когда он записывает.

Ханна смотрит на часы.

— У нас есть еще несколько минут. Я могла бы сделать пару копий документов, которые предоставил ми-

Плутона

стер Ричардс. Мне сделать это сейчас, Рейчел? Или я могу подождать.

Я киваю.

— Идите.

Ханна поднимается и, выходя, оставляет дверь открытой, фиксируя ее резиновой пробкой.

Фредерик откидывается на спинку кресла, его голова касается стены.

— Знаю, что я.. — Он не заканчивает фразу. — Я не жду, что ты поймешь. Но хочу, чтобы знала, как я рад тебя видеть.

Я лишь киваю, потому что не доверяю своему голо-су. Я всю свою жизнь ждала этих слов. И все же я бы обменяла их, не задумываясь, на то, чтобы вычеркнуть последний месяц из нее.

— Если ты не против, я буду ждать тебя завтра у школы в два тридцать.

— Хорошо, — облизываю губы. — У меня еще будет домашняя работа. — Какая глупость упоминать это сейчас. Как будто домашка что-то меняет.

— Я останусь ровно настолько, насколько захочешь.

В момент тишины, что последовал далее, возвращается Ханна.

— У кого-то из вас есть вопросы?

— Я только хочу, чтобы вы позвонили мне, если нужна будет какая-либо помощь, — говорит он. — У вас есть мой номер, я остановился в «Риц-Карлтоне».

В этот момент Рэй, водитель фургона, стучит по дверному косяку.

— Привет, Рейчел. Ты готова?

Я поднимаюсь, готовая сбежать.

— Рейчел? — Мягкий голос Ханны останавливает меня у выхода. — Я оставила тебе три сообщения сегодня. Давай убедимся, что мы договорились о нашей следующей общей встрече, хорошо?

— Мой телефон больше не работает. Его, должно быть, эм... — Я не хочу признавать, что его, вероятно, от-

Сарина Боуэн

ключили. Моя мать провела в больнице недели, прежде чем умерла. Счета никто не оплачивал. Из всех вещей, что идут не так в моей жизни, неоплаченный телефонный счет даже не входит в первые топ-пятьдесят. Однако мне все равно из-за этого стыдно.

— А-а, — говорит Ханна, ее лицо выражает сочувствие. — Тогда мы могли бы договориться по электронной почте?

Я киваю.

— Возьми это, — говорит она, протягивая мне визитку. На ней написано: «Фредди Рикс». Ханна только что дала мне то, что я никак не могла отыскать сама. Его личный номер телефона и адрес электронной почты.

Я смотрю на него еще раз, просто чтобы убедиться, что он настоящий. Он смотрит на меня в ответ. Его глаза покраснели.

— Пока, — шепчет он. Затем человек, кого Rolling Stone описывает как «красноречие, под которое можно танцевать», поджимает губы и отворачивается от меня, к стене, у которой сидит Ханна.

* * *

Во Флориде стоит теплая, липкая ночь — только такие у нас и бывают в июле. В Орlando будет невыносимая жара еще три месяца. Ко времени, когда она спадет, я надеюсь быть далеко-далеко отсюда.

Я сижу на шершавом покрывале кровати, пытаюсь сделать задание по математике. Рядом, на другой кровати, моя соседка Эви прячется за слишком длинной челкой и гигантскими наушниками. Ревущая из них музыка так отвлекает, что я не представляю, как Эви еще не оглохла.

Эви живет в доме «Парсонс» четыре года. Может, ей плевать, оглохнет она или нет.

Моя ночь здесь сегодня будет седьмой по счету. В этих стенах мир словно ускользает и меняет форму. Я смотрела, как умирает мать. И несмотря на то, что я

Плутона

видела, как ее гроб опускают в землю, я все еще жду, что она войдет в дверь и скажет: «Рейчел, собирай вещи, мы уезжаем. И почему ты до сих пор не сдала все экзамены?»

Переворачиваю страницу учебника по математике. «Клэйборн Преп», куда я собираюсь на следующий год, не примет табель успеваемости с кучей долгов. Я пропустила все итоговые экзамены в ту неделю, когда умерла мама. Мне позволили сдать их в течение летней сессии. И теперь мне не отделаться от домашки, и этой комнаты, и кружащейся головы. Пытаюсь еще раз разобраться с уравнением на странице. А затем слышу автомобильный гудок за окном.

Бросив карандаш, выбегаю из комнаты. Ступеньки лестницы покрыты коричневым ковролином, которому не удастся скрыть грязь многих тысяч ног, прошедших здесь за несколько десятков лет.

Знакомая синяя развалюха припаркована у тротуара. Как только я выхожу, Хейз выбирается с водительского места. Я сажусь на грязном крыльце, а он садится рядом. Хейз обнимает своей татуированной рукой мои колени и опускает подбородок на бицепс.

— Добрый вечер, — говорит он.

— Привет.

— Ты не позвонила мне после. Я хотел услышать, как все прошло.

— Мой телефон перестал работать. — А если бы и нет, я все равно бы не знала, что сказать.

— Он тебе понравился? — глядит на меня искоса.

Я пожимаю плечами.

«Он мне всегда нравился».

— Было сложно. Мы оба были в ужасе.

— Чего ему бояться? Кроме меня.

— Хейз, — предупреждаю я. Мы дружим с тех пор, как во втором классе я врезала Адаму Льюису по заднице, чтобы тот оставил Хейза в покое. Хейз был моим верным другом все это время, хотя ему давно не нужна